Двуглавый орел и его родина

Двуглавый орел - это один из древнейших в истории человечества символов власти, верховенства, силы, мудрости. Он был известен уже в странах Древнего Востока. VI веком до н. э. датируются цилиндрические печати Халдеи (в Южной Месопотамии), имевшие это изображение. Двуглавый орел красовался на барельефах Каппадокии (в Центральной Турции) в IV-III вв. до н. э. В VI в. с ним познакомилось и Сасанидское государство (на территории современного Ирана и других соседних стран).

Крестоносцы, не преуспевшие в завоевании Гроба Господня, принесли на родину различные предметы восточного быта, в том числе и ткани, на которых в это время часто изображались двуглавые орлы. Должно быть, европейцы быстро усвоили смысл этого символа, и правители небольших политических образований, стремясь всеми возможными внешними формами поднять свой престиж, стали помещать двуглавого орла на своих печатях. Это сделать было тем более легко, что в сознании средневековых европейцев мир людей был подобен миру животных и птиц: среди зверей царствовал лев, среди птиц - орел, на вершине мира людей стоял король, император или князь. Каждый из этих последних по своему рангу соответствовал "царям" зверей и птиц. И если формы символов или эмблем императоров и королей уже были найдены (они помещали на своих печатях либо тронное изображение, либо свой профиль - по античному образцу), то правителям более низкого ранга еще предстояло

искать адекватные формы для выражения идеи независимости и причастности к миру царственных особ. Как мы уже видели, одной из таких форм послужил всадник. Другой стал двуглавый орел. Первым поместил его на своей печати граф Людвиг фон Сарверден в 1180 г. Не преминула воспользоваться этим символом и династия Штауфенов - германских императоров и королей Священной Римской империи в 1138-1254 гг., а в 1197-1268 гг. и сицилийских королей. Двуглавый орел присутствует на золотых монетах Фридриха II Барбароссы. Спорадически он появлялся на печатях Людвига Баварского, более регулярно - на печатях короля Венцеля из Люксембургской династии, а при Сигизмунде стал геральдической птицей. Изображение двуглавого орла в XIII в. несли монеты Палермо, Савойи и Нидерландов, а в XIV в. - и монеты Бертрана III Красивого во Франции, а также монеты архимандритов городов Кельна и Майнца, городские монеты Фридберга. Наиболее восточная граница распространения этого символа в средневековье проходила по Чехии. Король Вацлав IV (1378-1419) помещал изображение двуглавого орла на своих секретных печатях.

Однако в Европе двуглавый орел служил не только символом светской власти. Выступал он и в качестве символа Бога Отца. Орел с распростертыми крыльями, но обращенный головой вниз, украшал созданный в 1225-1230 гг. алтарь кирхи Оддер близ Орхуса.

На средневековой границе Европы и Азии - в Византийской империи, раскинувшейся на территории современных Турции и Греции, двуглавый орел также выступал символом религиозной и светской власти. Это изображение было на знамени вселенского патриарха. Помещали его и на знаменах отдельных церковных организаций - в частности, Патмосского монастыря в XII в. Однако, в отличие от Священной Римской империи, в пределах Византии двуглавый орел не получил геральдического значения. Ни на монетах, ни на печатях ни в Комниновское (1081-1185), ни в Палеологовское (1261-1453) время двуглавые орлы не помещались. На византийских монетах изображался либо император, восседающий на троне, либо его бюст с обычными императорскими регалиями - скипетром и державой, к которым в конце XII в. добавилась акакия (мешочек с песком). Правда, при последних Комнинах двуглавые орлы появились на одежде членов императорского двора в виде орнаментального признака принадлежности к окружению главы Византии. При последних Палеологах орел встречается и на миниатюрах, увенчанный то одной (при Иоанне VIII в 1425-1448 гг.), то двумя (при Мануиле II в 1391-1425 гг.) коронами. В качестве же герба в Византии

Рис.6.
Печать Ивана III (*слева*).
Прорись мангупского орла
(*справа*)

с 1327 г. утвердилось крестообразное изображение четырех букв В (от слова "Вазилевс", то есть император).

В странах византийского мира, прежде всего православных и в церковном отношении подчинявшихся константинопольскому - вселенскому патриарху, двуглавый орел рано стал символом государственности и независимости. В юго-славянских и соседних с ними странах (Сербии, Болгарии, Черногории, Албании и Румынии) он утвердился именно в качестве герба. Встречается он и на монетах, например болгарского царя Михаила Шишмана.

Русь не отстала от других окраин византийского мира. Ее знакомство с двуглавым орлом восходит к XII-XIII вв. Впервые он встречен на декоративной плитке XII-XIII вв. в Василеве на Днестре (Северная Буковина). Правда, в более позднее время двуглавый орел исчезает как изобразительный мотив, но спустя почти три столетия, в 1497 г., вновь возникает - на государственной печати Ивана III, великого князя владимирского и московского, государя всея Руси. К его жалованной грамоте - меновой и отводной (то есть с указанием границ) - волоцким князьям Федору и Ивану Борисовичам на волости Буйгород и Колпь была привешена печать с изображением двуглавого орла. Печать была двусторонняя, и орлу достался лишь ее оборот, как показывает легенда (надпись) на печати. Вторая часть надписи приходится как раз на ту сторону, на которой и помещен орел.

Печать этой грамоты дала повод для многовековых размышлений историков и сфрагистов, геральдистов и историков общественной мысли. Их всех занимал один и тот же вопрос: откуда пришел на Русь этот символ верховной власти? Как и в случае со "знаками Рюриковичей", в течение очень долгого

времени считалось непреложным мнение Н.М. Карамзина: двуглавого орла "принесла" с собой вторая жена Ивана III Софья (Зоя) Палеолог как часть византийского культурного наследия, имевшего и немалое политическое значение. Уже в наши дни было высказано другое мнение - наш, "русский", двуглавый орел был принят в качестве герба по образцу не Византийской, а Священной Римской империи. Есть и компромиссные теории: двуглавого орла "прибила" на Русь волна второго южнославянского влияния с северных окраин византийского мира.

Попытаемся рассмотреть доводы всех трех групп исследователей: сторонников византийского, имперского и южнославянского происхождения двуглавого герба русской государственной печати конца XV в.

Итак, главное доказательство "византинистов" от Н.М. Карамзина в начале XIX в. до А. В. Острогорского в наши дни заключается в самом факте женитьбы Ивана III на племяннице последнего византийского императора Константина XII Драгаза. После гибели Византийской империи, завоеванной Османским султаном в 1453 г., потомки последних Палеологов приобрели как бы значение наследников и самой империи, и ее политического и культурного багажа. В качестве одной и, пожалуй, главной наследницы рассматривалась жена Ивана III Софья Палеолог. Историки XIX в. приписывали ей ведущую роль в освобождении Руси от иноземного ига, в утверждении в общественном самосознании идеи самостоятельности Руси, в ознакомлении ее новой родины с культурным достоянием Византии. При этом как-то забывалось, что сама Софья происходила из далекой от центра империи Мореи, где, правда, также была известна символика двуглавого орла (о чем свидетельствует мозаика в одной из церквей в Мистре), а вовсе не из столицы империи Константинополя. Сомнительна и мысль относительно ведущей роли Софьи в борьбе с Большой ордой. Лишь в недавнее время были осмыслены летописные сообщения о бегстве Софьи с детьми на Белоозеро в момент, когда над столицей нависла угроза нападения со стороны большеордынского хана Ахмата (Ахмеда), правда, не осуществившаяся. Далее Угры, одного из левых притоков Оки, ордынское войско не прошло, будучи остановлено героически сражавшимися русскими отрядами под руководством старшего сына Ивана III (от его первого брака, с Марией Тверянкой) Иваном Ивановичем Молодым. Не учитывается исследователями-"византинистами" и то сравнительно мелкое обстоятельство, что между заключением второго брака и принятием двуглавого орла в качестве государственной эмблемы прошло более четверти века. Все это заставляет усомниться в

Рис.7.
Печать Василия III

правильности вышеприведенной гипотезы. Есть и некоторые соображения относительно международных аспектов теории византийского политического наследия. Русские дипломаты нигде и никогда накануне и после принятия двуглавого герба не упоминали о правах на Византию своего государя как "наследника" константинопольских императоров. Эту идею пропагандировали только греческие эмигранты, прибывшие, правда, в свите Софьи Палеолог, надеявшиеся на освобождение своей родины с помощью Руси. Во внешней политике Руси, напротив, ни в конце XV, ни в середине XVI в. не заметно желания вступить в какой-либо конфликт с турецким султаном ни ради мифического византийского наследия, ни ради избавления от более чем реальной опасности со стороны Крымского ханства. Итак, византийская теория происхождения двуглавого герба содержит весьма уязвимые пункты.

Южнославянская теория представляет собой модификацию византийской. Окраины византийского мира, добиваясь собственной независимости, прибегали к использованию такой эмблемы, как двуглавый орел. Не были исключением и ближайшие соседи Руси. Например, глава княжества Феодоро на юго-восточном побережье Крыма Алексей использовал эту эмблему в 1425 и 1427 гг. Таким образом, знакомство с двуглавым орлом на Руси могло происходить и при посредничестве южных славян и греков Крыма. Но реальных следов подобного воздействия пока обнаружить не удалось. Облик орлов у южных славян и князя Алексея резко отличается от орлов Ивана III.

Перейдем к теории "имперской". Главным партнером Ивана III в его борьбе за возвращение земель Древней Руси и их соединение в пределах нового Русского государства была Священная Римская империя. Хотя в действительности надежды

Рис. 8а
Пулы: новгородские (1), псковские (2), "Осподаря всея Руси" (3) и "князя великого" (4)

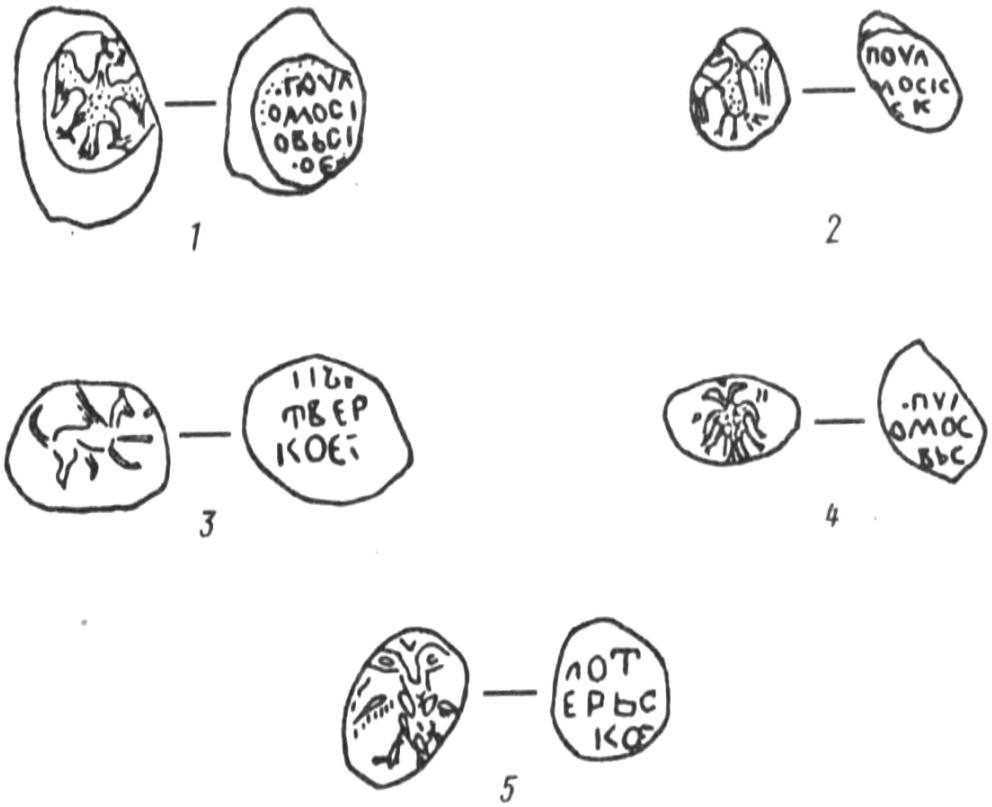

Рис. 8б
Пулы: московские (1, 2, 4) и тверские (3, 5)

Ивана III оказались тщетными, установление контактов с этим наиболее обширным и внешне наиболее могущественным государством Европы привело к заимствованию Русью имперского дипломатического протокола. Имперского посла встречали и провожали к государю всея Руси с теми же церемониями, что и русского посла у императора. Русские дипломаты, в частности Юрий Траханиот, соотечественник Софьи Палеолог, в 1489 г. объяснял имперскому посланцу Николаю Поппелю, что "прародители" великого князя имели "приятельство и любовь" с "передними римскими цари". Поппель имел поручение предложить Ивану III королевскую корону, но встретил отказ. Федор Курицын в 1488 г. заявил от имени своего государя: "Мы божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей и поставление имеет от Бога... а поставления как есмя наперед того не хотели, так и ныне не хотим". Право быть государем "божиею милостию", а не волей императора, быть независимым от него, а возможно, и равным ему должно было утвердить и принятие равной с императором символики.

Двуглавого орла как государственный герб принял Фридрих III, отец того императора Максимилиана, с которым имел дипломатические контакты Иван III. Это произошло в 1442 г. На лицевой стороне его печати - тронное изображение императора с регалиями, а на обороте - двуглавый орел. Такое же расположение изображений на печати Ивана III 1497 г. Даже эта мелкая деталь свидетельствует о стремлении Ивана III подчеркнуть свою одноранговость с императором Священной Римской империи. Лицевую сторону указанной печати Ивана III занимало конное изображение самого великого князя (а не его святого патрона, как раньше), хотя вся сцена борьбы с драконом соответствовала рассказу о чуде св.Георгия со змием. На печати Ивана III поза всадника чрезвычайно выразительна. Высоко поднятой рукой, которая разрывает нижний обод надписи, он держит копье и поражает им дракона, распростертого у ног коня. Эта поза стала позднее канонической. Она воспроизводилась вплоть до начала XVII в.

Вернемся, однако, к орлу. Его изображение на печати Ивана III обнаруживает наибольшее стилистическое сходство с габсбургским орлом, что, возможно, свидетельсвует в пользу "имперской" теории. Но до окончательного суждения еще далеко. Все исследователи полагали, что знакомство русских государей с двуглавым орлом и использование этой эмблемы в качестве государственной произошло только в конце XV в. Правда, это относится исключительно к изображению орла на печати Ивана III. Такого же двуглавого орла денежники конца XV в. выбивали на мелких медных монетах - так называемых пулах.

Рис.9.
"Печати Великого Новгорода"

Новгородские пулы с двуглавым орлом датируются самым концом 70-х гг. XV в. В конце XV в. такие же пулы изготовлялись в Москве и Твери. И все это происходило в централизованном порядке как часть монетной реформы Ивана III. Если так, то имперско-русские отношения не играли никакой роли в формировании государственной эмблемы. "Имперская" теория происхождения двуглавого герба обнаруживает здесь, таким образом, свою слабую сторону. Итак, результат рассмотрения всех трех теорий неутешителен.

Мы не касались еще одного вопроса. Речь пока шла о двуглавом орле, а как обстояло дело с орлом одноглавым? В памятниках русского декоративного искусства домонгольского времени орлы встречаются часто. Они сопровождают Александра

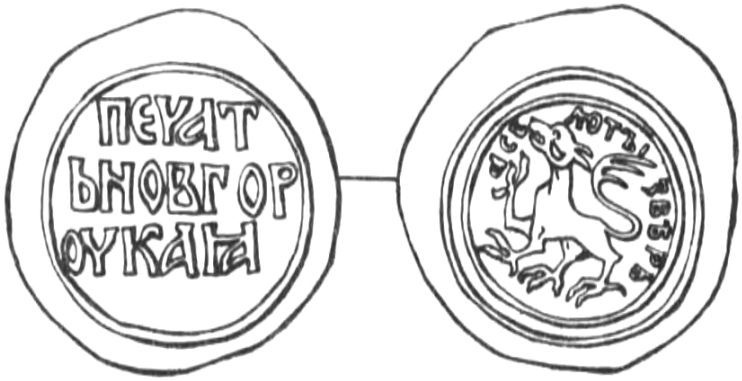

Рис.10.
"Новгородские печати"

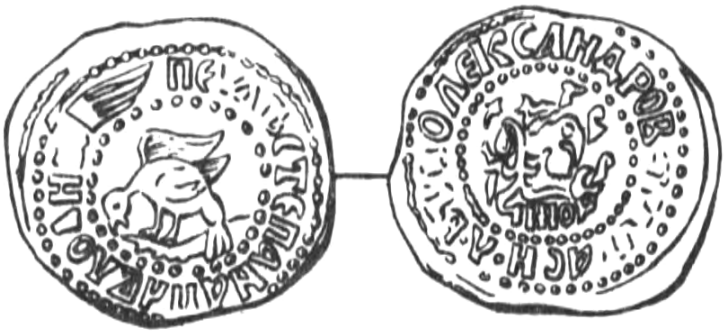

Рис.11.
Печать Степана Павловича

Македонского в его полете на небо (этот сюжет присутствует в белокаменной резьбе Дмитровского собора во Владимире), чередуются со львами на пилястрах Юрьевского собора в Юрьеве Польском. В декоре Рождественского Суздальского собора "птиц", по определению искусствоведов, было очень много. Правда, наряду с одноглавыми орлами, изображенными, как правило, в профиль с чуть приподнятыми крыльями (орлы, "собирающиеся лететь", по выражению классика русской геральдики А.Б. Лакиера) и скорее похожими на обычных кур, один раз встретился и двуглавый орел. Он находится среди изображений росписи южных дверей собора Рождества Богородицы в Суздале.

Согласно одной из гипотез, которую, впрочем, оспоривает В.Л.Янин, на новгородских печатях, носящих надписи "Печать новгородская" и "Печать Великого Новгорода" и относящихся к XV в., изображена эмблема владимирских и московских князей - орел, причем в точно таком же повороте и движении, как и на владимирско-суздальских соборах домонгольского времени. (Здесь напомним, что московские князья как первый титул носили определение "владимирский", а в своем понимании власти исходили из ее наследственного характера и гордились своим происхождением из Владимира, равно как и из Киева.) В том, что это орел, не приходится сомневаться хотя бы потому, что

на одной из печатей ("Печать Великого Новгорода") стоит надпись "орелъ" (№ 726 по каталогу В.Л. Янина). Массовое распространение орлов на печатях Великого Новгорода приходится на 50 - 70-е гг., то есть на то самое время, когда, согласно Яжелбицкому докончанию (договору) московского великого князя Василия II с Новгородом (1456 г.), было узаконено использование Новгородом великокняжеской печати. "А печати быти князей великих", - гласила статья договора Москвы и Новгорода, закрепившая одну из стадий потери Новгородом прав в управлении собственным городом.

Итак, говоря о предыстории и происхождении двуглавого орла как изображения на государственной печати конца XV в., нельзя забывать о более ранней русской традиции - одноглавом орле владимиро-суздальских соборов, одноглавом орле - эмблеме московской власти на печатях Великого Новгорода XV в. и, наконец, двуглавом орле среди росписей южных дверей Рождественского собора в Суздале. Может быть, эта традиция, названная выше "русской", на самом деле тоже общеевропейская? Может быть... Ведь изображения орлов в барельефах владимиро-суздальской архитектуры, как две капли воды, похожи на современных им европейских. Стоит посмотреть на знаменитый гобелен из Байо, изображающий битву при Гастингсе 1066 г., чтобы убедиться в этом.

Итак, если правильно предположение о том, что на новгородских печатях орел символизировал владимирского и московского князя, то можно думать, что тенденция предствлять в виде орла высшую власть над людьми к XV в. уже приобрела геральдическую форму.

Но почему именно в XV в.? Почему этого не произошло раньше? Ведь в прикладном искусстве, в частности Новгорода, орел встречается уже в XII в., а в XIV в. его изображали даже в трехлучевой короне, которую миниатюристы "надевали" только на царей. Возможно, это связано с тем, что в конце XIV - начале XV в. формируется представление о московских князьях как царях. Первым в таком качестве выступает Дмитрий Иванович Донской в "Слове о житьи и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя руськаго", созданном именно в это время.

Если эта цепочка предположений правильна (а нужно еще раз повторить, что В.Л.Янин, крупнейший сфрагист, специально занимавшийся новгородскими печатями, не принял гипотезы об орлах новгородских печатей XV в. как эмблеме московских князей), то можно думать, что в русской общественной мысли идея орла как символа верховной власти князей теплилась

на протяжении XII-XV вв., чтобы получить законченные формы в конце XV в., когда произошло превращение одноглавого орла в двуглавого - на манер имперского.

К сожалению, нам остается только гадать, какой смысл вкладывали наши далекие соотечественники в преображенного орла - теперь уже двуглавого и представленного в фас. Было ли это двуглавие символом соправления в канун венчания на великое княжение назначенного Иваном III в качестве своего преемника Дмитрия-внука, как это бывало и в византийской практике? Или двуглавие обозначало претензию Ивана III на земли всей Руси, то есть Руси Северо-Восточной и Северо-Западной, уже к этому времени объединенные под его властью, и Руси Западной и Юго-Западной, входившей в состав Великого княжества Литовского? Или двуглавие орла закрепляло свершившееся на протяжении 70-х гг. XV в. объединение Московского княжества и Новгородской феодальной республики, после чего Иван III с полным правом мог именоваться государем всея Руси, хотя этот титул употребляли его предшественники и раньше, в особенности когда считали, что их власть над Новгородом незыблема (Иван Калита и Дмитрий Донской)?

Эти вопросы пока остаются без ответа. Хочется надеяться, что последующие исследователи русской политической мысли сумеют дать на них ответ в полном соответствии с духовным складом и представлениями русских конца XV в.